

ГЕНДЕРНАЯ НЕЙТРАЛЬНОСТЬ ИЛИ РАВНОДУШИЕ? (К итогам экспертизы учебной литературы по истории 1990—2000-х гг.)

Включение феминистского и гендерного дискурсов в изыскания наук о прошлом могло бы сильно повлиять на обновление методологической базы и тематической направленности исследований, открыть новые перспективы для расширения исследовательского поля¹. Однако при обращении к учебникам истории для вузов, изданным под грифом Министерства образования РФ и рекомендованным им, гендерная экспертиза «учебных текстов для самостоятельной работы», «книг для чтения» и другой учебной литературы дает весьма пессимистичную оценку итогов развития женских и гендерных исследований в отечественной исторической науке. Такое ощущение, что признанное за рубежом направление научных изысканий историкам в России вообще неизвестно, при том, что гендерная экспертиза учебников по истории уже не раз привлекала внимание исследователей как в столице², так и в региональных университетах³, и на серьезное отставание в этой области наук о прошлом от социологии, психологии, лингвистики, литературоведения, философии уже не раз указывалось в нашей историографии.

«Тексты по истории не просто отражают историческую реальность, но и создают ее», — размышляет историк из Ивановского государственного университета Т. Б. Рябова, полагая, что написание истории как «истории мужчин» имеет большую и давнюю историографическую традицию. Чему же удивляться в этом контексте: весь большой опыт, накопленный за 25 лет гендерными исследованиями в РФ, остался фактически невостребованным авторами практически всех вышедших в 1990-е — начале 2000-х гг. учебных пособий⁴.

Особенности воссоздания отечественной истории в современных учебниках по истории трудно не назвать симбиозом марксистско-ленинского социально-экономического детерминизма и традиций государственной школы отечественной историографии⁵. Поскольку в традициях историописания, сложившихся за три века существования истории как науки, основным является описание государственных институтов и идеологии (Россия — страна идеократическая), постольку Личность, Человек, его интересы и повседневность никогда не были раньше и не стали сейчас частью учебных текстов. Потому-то нет в ней и «женской составляющей», не говоря уже об истории сексуальной культуры⁶. Лишь в одном из учебных пособий встретилась «главка», посвященная отношениям мужчин и женщин, а также истории сексуальности в

© Пушкарева Н. А., 2008

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 07-01-90100 а/Б «Гендерные системы Беларуси и России, 1991—2007: (нео)патриархальность или возврат к традиционным ценностям».

² Зверева Г. И. Формы репрезентации русской истории в учебной литературе 1990-х гг.: Опыт гендерного анализа // Пол. Гендер. Культура / Э. Шоре, К. Хайдер. М., 1999.

³ См.: Бородин Д. Ю. Преподавание истории с позиций гендерного подхода // Гендерная экспертиза учебников для высшей школы / Под ред. О. А. Ворониной. М., 2005. С. 213—219; Рябова Т. Б. Гендерная экспертиза учебников и учебных пособий по истории // Там же. С. 123—141.

⁴ Рябова Т. Б. Указ. соч. С. 123.

⁵ Бородин Д. Ю. Указ. соч. С. 214.

⁶ Показательно, что в учебниках по культурологии и истории культуры тема сексуального практически исключена — даже когда речь идет об Индии, Китае и античности. См.: Шишова Н. В. История и культурология: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2000. С. 62—96.

России. Но автор написал ее умозрительно, будто и не догадываясь о наличии обширной литературы по заявленной тематике⁷. Отсутствие женских имен и женкой темы на страницах учебников компенсируется, по мнению ряда исследователей, неким «гендерным кодированием» всей русской истории в целом, одушевлением России с приданием ей «определенных гендерных признаков», а именно «женских телесных и психических свойств»⁸.

Крайне редки во введениях к учебным текстам какие-либо рассуждения об истоках гендерной асимметрии. Большинство учебников тиражирует старую (бахофенскую) идею о существовании матриархата. Особенно часто это встречается в учебниках по истории культуры — по крайней мере, в связи с анализом изображений первобытных «Венер»⁹ (хотя в обществах, поддающихся историческому исследованию, не найти даже слабых следов матриархата, он не более чем миф). Неудивительно, что рука об руку с подобным восприятием «разделения властей» между полами в истории идет описание патриархальности без всяких отрицательных коннотаций или намеков. Русская семья оставалась патриархальной, еще долгое время руководствуясь «Домостроем» — старинным сводом житейских правил и наставлений.

Участие археологов и этнографов в написании учебников по истории России для вузов нашло отражение в короткой информации о таком явлении, как патриархат, который представлен почему-то только как «счет родства по отцу», а главной чертой патриархальной семьи обозначено то, что она «основана на частной собственности». Никаких упоминаний о том, что гендерное неравенство было исторически первой формой общественного неравенства, а уж тем более информации о том, как оно возникло и может ли быть преодолено, в учебниках не найти¹⁰. Зато упоминаются поли-, эндо-, экзогамия, а также вено (выкуп за невесту)¹¹.

Скудость упомянутых женских имен на страницах учебников — первое, что бросается в глаза при обращении к их текстам.

Догосударственный период в русской истории представлен десятками имен божеств, первооснователей, вождей и разбавлен именем единственной из упоминаемых богинь — Мокоши (Макоши)¹² (про Лыбедь, стоявшую у истоков древнерусской государственности наряду с Кием, Щеком и Харивом забыли абсолютно все).

Допетровский период представлен именами великой княгини Ольги (практически во всех учебниках, особенно в связи с описанием ее мести древлянам) и, как говорится, с большим отрывом (примерно в 30 % учебных пособий) — царевны Софьи. При этом даже выдающиеся деяния женщин (скажем, проведение первой в русской истории финансово-административной реформы — именно так стоит понимать установление великой княгиней Ольгой «погостов», мест сбора дани, что должно было происходить с определенной периодичностью, крещение Ольги в Константинополе) оцениваются проходными фразами или не замечаются вовсе. Любопытно, что единственная и наиболее подробная оценка крещения великой княгини Ольги, которому придана большая значимость, имеется в учебнике, написанном В. В. Жириновским¹³. В учебниках последнего времени чаще стало упоминаться о том, что княгиня Ольга — первая княгиня-

⁷ Шаповалов В. Ф. *Россиеведение*. М., 2001. С. 285—332.

⁸ Зверева Г. И. *Указ. соч.* С. 174—175.

⁹ Шишова Н. В. *Указ. соч.* С. 50.

¹⁰ Дервянко А. П., Шабельникова Н. А. *История России с древнейших времен до конца XX в.* М., 2001. С. 19; Потатуров В. А. и др. *История России*. Екатеринбург, 2003. С. 53.

¹¹ Потатуров В. А. и др. *Указ. соч.* С. 53.

¹² Моряков В. И., Федоров В. А., Щетинов Ю. А. *История России: Пособие для старшеклассников и абитуриентов*. М., 1998. С. 5.

¹³ Жириновский В. В., Спицин Е. С. *История России с древнейших времен до конца XIX в.* М., 2000. С. 54.

христианка¹⁴ (ранее эта тема обходилась авторами¹⁵). Зато начисто исчезли имена дочерей Ярослава Мудрого, внучек Владимира Мономаха (ранее они встречались в учебниках как символы династической политики Древнерусского государства¹⁶). Имя Улиты Кучковны — супруги великого князя Андрея Боголюбского, участвовавшей в заговоре против мужа и его убийстве, также не упомянуто, хотя сам по себе эпизод оказался вписанным в ткань изложения в одном из учебных пособий¹⁷.

Крайне редко встречаются имена — Ефросиньи Ярославны и Анны Романовой-Галицкой (XII в.)¹⁸, Кончаки (Агафы)¹⁹, Евдокии Дмитриевны (жены Дмитрия Донского). Учащиеся никогда не узнают из учебников о том вкладе, который был сделан женщинами в историю летописания (Мария Ростовская), медицины (Добродея-Зоя), воспитания учености и книжности (Евфросинья Полоцкая, Ксения Тверская), привлечения лучших художников и архитекторов на московские земли (Софья Палеолог). В единственной книге есть упоминание о подвиге Авдотьи-Рязаночки²⁰ (фольклорного персонажа), однако ж имя Евпатия Коловрата встречается в куда большем числе пособий.

Обратный (положительный) пример являют учебники М. Н. Зуева, В. В. Жириновского и Е. Спицина, в которых всякий раз, когда династический брак давал политическому деятелю XIII—XV вв. выигранные шансы, женщины оказываются подробно поименованными (Марфа Борецкая, Елена Стефановна Волошанка, Софья Фоминишна Палеолог и т. д.)²¹. При полном равнодушии создателей учебных текстов к истории Марфы Борецкой и отсутствию каких-либо упоминаний о создании ею антимосковского заговора в Новгороде в конце XV в. читателю довольно трудно понять, кем же была Марфа Посадница? Почему она стала героиней былинного эпоса и художественных произведений?²² (И это при том, что некоторые историки прошлого, в том числе А. И. Герцен, называвший ее «величавой республиканкой», считали личный вклад этой женщины в русскую историю конца XV в. весьма заметным.)

В одном из учебников — при отсутствии какой-либо информации о Софье Палеолог и ее вкладе в русскую культуру (строительство соборов московского Кремля) — встретилось имя дочери Ивана III — Елены и отмечен ее вклад в дело сдерживания русско-польской войны в первые годы XVI в.²³ Ни в одном другом учебном пособии о

¹⁴ История Отечества: Учеб. пособие для студентов заочных отделений / М. В. Зотова. М., 2000. С. 17; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 43; Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 60; Зуев М. Н. История России. М., 2000. С. 19.

¹⁵ Борисов Н. С., Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. Ключ к истории Отечества. М., 1993. С. 4.

¹⁶ Имя лишь одной из них — Анны, ставшей королевой Франции, приведено в паре учебных текстов наряду с упоминанием жены-шведки самого Ярослава Мудрого (о том, что ее звали Ингигерда-Ирина, почему-то данных нет). См.: Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 71; Зуев М. Н. Указ. соч. С. 32. Перечислены и две другие дочери — жены западных правителей, а также дочери и внуки Владимира Мономаха. Указывается, что «дочь Ярослава Мудрого — Анна, 978—1054, одна из первых грамотных женщин, ставшая королевой Франции...» См.: История России: Учеб. пособие / Л. И. Семенникова. М., 2003. С. 109.

¹⁷ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 91—92.

¹⁸ Жириновский В. В., Спицин Е. С. Указ. соч. С. 84; Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 66.

¹⁹ См., напр.: Керов В. В. История России: Учеб. минимум для абитуриента. М., 2003. С. 72—73.

²⁰ Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 60.

²¹ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 74; Жириновский В. В., Спицин Е. С. Указ. соч. С. 84, 104, 137, 152, 158 и др. Некоторые из упомянутых имен см. также в учебниках: История Отечества / М. В. Зотова. С. 30; Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 84 С. 56.

²² Именно такая ситуация с учебником А. П. Деревянко: о самой Марфе Борецкой в изложении русской истории XV в. ни слова, а о фольклорном персонаже упомянуто. См.: Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 649.

²³ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 119.

Елене Ивановне — королеве польской, княжне литовской, дочери русского царя — ни слова.

Странно, что при изложении политической истории XVI—XVII вв. число упоминаемых женских имен не возрастает, а падает. В большинстве же анализируемых учебных пособий древнерусские женщины упоминаются безымянно, как чьи-то жены (реже — матери, сестры). Даже история междоусобных войн, предшествовавших складыванию единого Русского государства, удивительным образом обходится без упоминаний о том, что женщины могли быть провокаторшами тех или иных межкняжеских конфликтов (как то случилось в XV в. в семье великого князя Василия Дмитриевича) и сами же затем от них страдали. Обучившиеся русской истории по современным учебникам не поймут содержания картин известных художников прошлого — А. П. Лосенко «Владимир и Рогнеда»²⁴, В. И. Сурикова «Боярыня Морозова», поскольку имена этих женщин практически отсутствуют в современных учебных текстах и хрестоматиях²⁵. Чуть больше повезло Марине Мнишек — и то, полагаю, по причине связанности ее имени (хотя она и была не русской женщиной, но женщиной, связавшей свою судьбу с несколькими русскими авантюристами) с гениальным произведением А. С. Пушкина, которое если не проходят в школе, то точно знают благодаря фильму.

Даже имена русских женщин, формально стоявших у власти (в годы, когда Василий II Васильевич или Иван IV Васильевич, будущий Грозный, были маленькими), — великая княгиня Софья Витовтовна, великая княгиня Елена Васильевна Глинская — оказываются за пределами текстов учебной литературы²⁶. В лучшем случае — глухое упоминание²⁷, в худшем — появление вместо поименованных героинь прошлого безымянных «жен» и «дочерей»: «...Растет международный авторитет московских князей (Василий I был женат, к примеру, на дочери великого литовского князя Витовта)...»²⁸. Как звали ту дочь? Действительно ли не стоит поминать ее имя? На эти вопросы ответов нет.

В ряде учебников и о жене правнука вышеупомянутой Софьи Витовтовны Василия III, Елене Глинской, сказано лишь, что она была «княгиня-вдова», которая «продолжила дело мужа» («осмотрительного, но настойчивого Василия III»), но никаких личных характеристик ее правлению в учебнике дано не было²⁹. Вообще личных характеристик женщины-правительницы (правившие в ранние века, до «эпохи русского матриархата», XVIII в.) не достаиваются, хорошо, если те или иные мероприятия того времени (скажем, губная или денежная реформа во времена регентства Глинской) связываются с их именем — чаще же в окружении правительницы непременно находят мужчин (в случае с Глинской иногда упоминают ее дядю М. Л. Глинского³⁰, иногда — фаворита — И. Телепня-Оболенского), которым и приписывают государственную мудрость и прозорливость. Краткая и емкая характеристика великой княгини и царицы Елены Васильевны есть в учебнике В. В. Керова — одна из самых удачных³¹.

²⁴ Картина упомянута, ее героиня — нет (чем известна Рогнеда?). См.: Зуев М. Н. Указ. соч. С. 204.

²⁵ Исключения редки. Рогнеда и Ф. П. Морозова вообще не удостоились упоминаний, Софья Витовтовна и Марфа Борецкая (Посадница) упомянуты в кн.: *Жириновский В. В., Спицын Е. С.* Указ. соч. С. 136, 145 (имя Марфы Посадницы выделено жирным шрифтом и ее деятельность удачно представлена абзацем); ср. также: *Зуев М. Н.* Указ. соч. С. 109 («вдова новгородского посадника и фактически глава боярских кланов»); *История России / А. Н. Сахаров.* М., 2007.

²⁶ Учебники, в которых хорошо описан период правления Елены Глинской: *Керов В. В.* Указ. соч. С. 99—100; *Жириновский В. В., Спицын Е. С.* Указ. соч.

²⁷ *Потатуров В. А. и др.* Указ. соч. С. 125, *Моряков В. И. и др.* Указ. соч. С. 66; *История России / Л. И. Семенникова.* С. 150.

²⁸ *Данилов А. А.* *История России с древнейших времен до наших дней в вопросах и ответах.* М., 2003. С. 17.

²⁹ *Борисов Н. С. и др.* Указ. соч. С. 20.

³⁰ *Зуев М. Н.* Указ. соч. С. 85, 89.

Исключение составляет учебник по русской истории, написанный В. В. Жириновским и его соавтором, в котором женские имена оказываются неотъемлемой частью русской политической истории и допетровского времени, в особенности XVIII в. В ряде случаев их политическому участию даны высокие оценки и лестные характеристики (Софья Фоминишна Палеолог, Елена Васильевна Глинская)³². Подробная характеристика времени правления Глинской дана и в учебнике А. П. Деревянко (перечислены: денежная реформа, введение единой системы мер и весов, строительные мероприятия, в том числе строительство Китай-города, ограничение феодальных иммунитетов и проч.³³).

В редких случаях — когда «женская тема» все-таки оказывается затронутой в учебниках — авторам приходится как-то выкручиваться в связи с переизбытком жен у некоторых русских правителей. Знаменитый Иван Грозный был женат 7 раз; факт, сам по себе симптоматичный для личности этого правителя, упомянут лишь в одном учебнике³⁴, причем приведены имена первой (Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева) и последней (Мария Нагая³⁵). В одном из учебников неожиданно всплыло имя еще одной жены грозного правителя — Марии Темрюковны, однако лишь в связи с описанием высокохудожественного блюда, ей принадлежавшего, а о том, что она была женой царя, в книжке не сказано³⁶. Несмотря на то что отчество первой жены Грозного, «юницы» Анастасии, номинировало всю русскую царскую династию (Федор Михайлович Романов, первый русский царь, был избран именно потому, что был связан с первой женой Ивана Грозного), в учебниках об этом сказано весьма неопределенно («это был род Романовых — родственники первой жены Ивана Грозного царицы Анастасии...»³⁷). Иногда случайное упоминание («в 1560 г. скончалась царица Анастасия...») даже не позволяет читателю понять, чьей же женой она была и когда, откуда взялась³⁸.

Типичный пример изложения факта русской истории в современном учебнике: «Младшему сыну Ивана Грозного — Дмитрию было лишь 2 года, он вместе с матерью жил в Угличе, отданном ему в удел»³⁹. В приведенном отрывке двухлетний мальчик выступает в качестве действующего субъекта, а его мать — ее как раз и звали Мария Нагая — анонимным дополнением к нему. Между тем любому интересующемуся историей русского Смутного времени известно, что роль Марии Нагой в ту треть века была и заметна, и необычна, она была втянута в водоворот массы трагических событий, пыталась самосохраниться, и ей это удалось благодаря хитрости и изворотливости. Не менее яркой женской личностью того времени была и невеста, а затем жена Лжедмитрия I — Марина Мнишек. Ее имя известно российским школьникам, по крайней мере, благодаря знаменитым пушкинским строкам, видно, поэтому в учебники попадают характеристики ее внешности («прекрасная полячка») и утверждение о ее политическом

³¹ «Правление Глинской противоречило патриархально-религиозным взглядам московского боярства, не допускавшего участия женщин в общественной жизни, вот почему смерть Елены сопровождалась слухами о ее отравлении» (Керов В. В. Указ. соч. С. 99).

³² Жириновский В. В., Спицин Е. С. Указ. соч. С. 151—153.

³³ Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 108.

³⁴ Керов В. В. Указ. соч. С. 100, 130.

³⁵ В учебнике В. А. Потатурова контекст упоминания царицы таков: «Эта версия опирается на рассказ Дж. Горсея, слышавшего ее от Афанасия Нагого, брата царицы Марии». Чьей женой была царица Мария? Когда она жила? Студент не узнает никогда. См.: Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 159. Вообще о Марии Нагой чаще всего говорится, что она была «последней» (в первом издании учебника М. Н. Зуева (Зуев М. Н. История России. М., 2000. С. 141) она названа «шестой», в последующем издании 2004 г. ошибка исправлена), но из сколького числа — ни слова, как и о ее жизни, полной авантюрных приключений.

³⁶ Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 658.

³⁷ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 157.

³⁸ История России / Л. И. Семенникова. С. 151.

³⁹ Орлов А. С. и др. История России с древнейших времен до наших дней. М., 1999. С. 97.

авантюризме⁴⁰. Но в учебниках русской истории упоминание ее имени редко и формально, как и имя матери первого русского царя из рода Романовых — Ксении Ивановны (урожд. Шестовой, в постриге Марфы Ивановны), той, что жила с 16-летним сыном в Костроме и благословила его на царство, сумела поставить за короткий срок своих родственников на ключевые посты в государстве (зато о Филарете — отце Михаила — во всех учебниках материала предостаточно)⁴¹.

XVII в. — если судить по текстам анализируемых учебников — был в русской истории практически незнаком с именами выдающихся женщин. Студенту не узнать о боярыне Ф. П. Морозовой и поэтому не понять содержания картины В. И. Сурикова. Даже в одном из самых продвинутых учебных пособий, включившем немало женских имен, в том числе и царевны Софьи, написанном В. В. Керовым, лексема «женщина» впервые встречается именно в связи с ее правлением и вот в каком контексте: «Патриархальному сознанию людей противоречил факт нахождения женщины во главе государства»⁴² (как будто в русской истории не было до Софьи ни одной правительницы земли, княжества, государства), но одно дело патриархатное сознание, а другое — точка зрения исследователя. Можно лишь выразить сожаление в том, что в учебниках не упоминается об инициативах царевны Софьи, связанных с созданием первого высшего учебного заведения (Славяно-греко-латинская академия), строительством в столице, внешнеполитическими инициативами и т. д. Чаще всего о Софье говорится в связи с именем ее брата, при малолетстве которого она была регентшей⁴³, а также (реже) о том, что она обладала «сильной волей и энергией»⁴⁴.

Современные учебники продолжают стародавнюю «традицию» изображения женских правлений как периодов правлений фаворитов (при Софье — В. В. Голицына, при Анне Иоанновне — И. Э. Бирона; и т. п.) В редком учебном тексте можно встретить имя матери главного русского царя-реформатора — Натальи Кирилловны Нарышкиной. Чаще говорится о ее роде, а о ней самой — лишь то, что она была молодой женой Алексея Михайловича и матерью царевича⁴⁵.

«Золотой век истории частной жизни» — «столетье безумно и мудро», XVIII в., в некоторых вариантах учебной литературы удостоилось отдельной книги⁴⁶. О том, что XVIII в. сменяет в истории России эпоху «теремного затворничества» женщин на время, выдвинувшее на авансцену истории не только правительниц, но и женщин «образованных, следующих европейским нормам жизни» (причем приведены имена Е. Р. Дашковой как первого президента Российской академии наук и двух ярких представительниц образованной элиты... почему-то XIX в.: писательницы Е. Ростопчиной и хозяйки салона, жены будущего декабриста М. Волконской), говорится только в одной книге — по истории культуры Европы и России⁴⁷.

Но крайне редко упоминая женские имена — и лишь в связи с изменениями в политической истории (ведь XVIII в. был эпохой «женских правлений» в России — более 70 лет страной правили, сменяя друг друга, императрицы), авторы пособий успевают «припечатать» даже положительные особенности их административной деятельности как «женские» (чтобы противопоставить чему-то «мужскому» — оно-то считается социально-престижным): «Началась своеобразная эпоха женщин-императриц...»⁴⁸; «Особенностью

⁴⁰ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 158.

⁴¹ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 165.

⁴² Керов В. В. Указ. соч. С. 100, 176.

⁴³ Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 118.

⁴⁴ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 116.

⁴⁵ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 200—201; Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 134.

⁴⁶ История России... / Л. В. Милов. М., 2006.

⁴⁷ Шишова Н. В. Указ. соч. С. 299. Упоминание Е. Р. Дашковой есть также в кн.: Зуев М. Н. Указ. соч. С. 188, 200.

⁴⁸ Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 184.

XVIII века для России было женское правление... при этом процветали фаворитизм, растрчивались богатства страны», приход к власти Екатерины II был «настоящей “дамской” революцией по причине ее бескровности»...⁴⁹ Ни один из авторов учебных пособий не сказал доброго слова о супруге Петра I, которой довелось 2 года править, вдовствуя, зато о том, что она была безграмотной литовской крестьянкой, вознесенной на вершину власти в державе, не отказал себе в удовольствии отметить ни один из историков.

С удивительным единодушием авторы учебников клеймили и клеймят XVIII в. как эпоху, когда «корона доставалась то женщинам, то детям, которые управляли с помощью интриг и подкупов», не «имея никакой программы действий»⁵⁰. Только о женщине-правительнице можно написать, что «место мужа при ней занял фаворит»⁵¹ имярек — о мужчинах, их любовницах и протеех пишут иным языком, и никакого «места жены» при них никто, видать, не занимал. О «личной мудрости» женщин-правительниц России XVIII в. решился сказать лишь один из авторов вузовских учебников⁵².

Женская повседневность крайне редко интересует их, да и то лишь в контексте перемен в ней во времена Петра I, скажем, в связи с историей ассамблей («конечно, в первые годы была скованность, особенно среди женщин, лишь в недавнем прошлом начисто лишенных такого рода общения»⁵³). Императрицы (в отличие от правителей-мужчин) представляются сквозь призму своих странных увлечений: Анна Иоанновна — как любительница «грубых забав»⁵⁴, ее племянница Анна Леопольдовна («недалекая, флегматичная, хотя и миловидная девушка») — как безвольная игрушка в руках ее супруга, родившая ему за короткий срок четверых детей и умершая в 28 лет, Елизавета Петровна — как «веселая и любвеобильная»⁵⁵, любительница нарядов и танцев, привыкшая засыпать лишь под утро под щекотание ей пяток. Для ссылок на авторитеты чаще всего используется В. О. Ключевский.

О жизни представительниц иных социальных слоев читатели учебника никогда не узнают: к примеру, о том, использовался ли уже в XVIII столетии женский труд на мануфактурах, основанных на вольнонаемном труде или все еще нет и там трудились только души «мужеского полу». При этом самим мануфактурам и их истории и развитию уделено немало внимания.

Излишне говорить, что в описании истории развития культуры России XVIII в. женские имена (первых писательниц, поэтесс, авторов первых автобиографий и мемуаров, актрис⁵⁶, художниц) начисто отсутствуют, кроме, может быть, единственной — П. И. Ковалевой-Жемчуговой⁵⁷. Единственный факт из женской истории — начало женского образования в 1764 г. — упомянут в ряде учебников в связи с И. И. Бецким и его программой создания «новой породы людей»⁵⁸.

Женщины вообще чаще всего упомянуты в несамостоятельном качестве дочерей, которых выдавали замуж и тем самым решали политические задачи, или объектов мужских страстей («довершило дело раннее, но сильное увлечение Петра II своей теткой — 17-летней рыжеволосой красавицей Елизаветой Петровной»⁵⁹).

⁴⁹ Амон Г. А., Ионичев Н. П. История России IX—XX вв. М., 2002. С. 180, 204.

⁵⁰ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 228.

⁵¹ Там же. С. 230.

⁵² Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 185.

⁵³ История России... / Л. В. Милов. С. 118.

⁵⁴ Керов В. В. Указ. соч. С. 200; Зуев М. Н. Указ. соч. С. 155.

⁵⁵ Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 193.

⁵⁶ Исключение — упоминание о балерине Т. В. Гранатовой (Шлыковой). См.: Керов В. В. Указ. соч. С. 267.

⁵⁷ История России... / Л. В. Милов. С. 370; Шишова Н. В. Указ. соч. С. 315.

⁵⁸ История России... / Л. В. Милов. С. 353; Керов В. В. Указ. соч. С. 261; Зуев М. Н. Указ. соч. С. 200.

⁵⁹ История России... / Л. В. Милов. С. 133.

Нетипично высокой характеристикой хитрости и ума императрица Анна Иоанновна удостоивается в учебнике под редакцией Л. В. Милова («умная по природе, но не получившая никакого, в сущности, образования...»⁶⁰), но и в нем не обошлось без цитирования слов В. О. Ключевского о ее злом нраве, жажде запоздалых удовольствий и положении «тени при своем фаворите» — Э. И. Бироне. Обычная характеристика этой русской правительницы — баба страшная, жестокая и бездарная, допустившая засилье иностранцев при русском дворе. Похоже, все авторы единодушно терпеть ее не могут и даже Иван Грозный вызывает большую симпатию, чем эта толстуха с ее причудами и шутихами. Высокая оценка отмены Анной Иоанновной петровского Указа о единонаследии⁶¹ нетипична для учебной литературы и отражает новейшую тенденцию. «Высокая и тучная, с лицом более похожим на мужское, черствая от рождения... малообразованная... она привезла в 37 лет озлобленный ум и убогий жизненный кругозор»⁶², «не отличалась ни красотой, ни умом, ни образованностью...» — почему-то при разговоре о мужчинах-правителях вопрос о красоте не поднимается авторами никогда⁶³. Ни один из учебников не упоминает о том, что вместе с «засильем иностранцев» в Петербург была завезена итальянская опера, что фейерверки, парады и празднества приводили в восторг всех наблюдателей и Р. Э. Распэ не случайно сделал Мюнхгаузена современником чудес, случившихся в Петербурге в то время.

Вместо того чтобы подчеркнуть гуманизм правления другой русской правительницы — Елизаветы Петровны (раньше других монархов Европы отменившей в 1744 г. смертную казнь, а в 1753 г. «таможенные и мелочные сборы», что дало сильнейший толчок становлению общероссийского рынка, и распорядившейся в 1755 г. об основании Московского университета⁶⁴), авторы учебников для современных студентов указывают, что некоторые ученые считают правление Елизаветы не больше не меньше как эпохой... контрреформ⁶⁵. Один написал, что она «была неспособна к систематическим занятиям государственными делами»⁶⁶, другой увидел ее «несостоятельность как государственного деятеля» (тем более странное утверждение, поскольку двумя страницами ранее они же утверждали, что эту императрицу «судьба подвигла на *многие славные дела*»⁶⁷).

Больше всего внимания (и это понятно) из всех женских личностей русской истории уделено «матушке-императрице» Екатерине II. Но лишь в одном учебнике, руководителем авторского коллектива которого является женщина-исследователь Л. И. Семенникова, Екатерининская эпоха описана как эпоха блистательных успехов Российской державы, а сама Екатерина названа «завершительницей широкомасштабных реформ XVIII в.»⁶⁸. Много страниц посвящено истории успехов управленческой деятельности Екатерины II и в учебнике А. Н. Сахарова⁶⁹. В остальных учебных текстах ее успехи как правительницы

⁶⁰ Там же. С. 135.

⁶¹ См.: *Столяров А. А.* Рождение Российской империи. Судьба реформ в XVIII в. // История Отечества / М. В. Зотова. С. 107.

⁶² *Потатуров В. А. и др.* Указ. соч. С. 233.

⁶³ В новейших учебниках стали приводиться альтернативные точки зрения (прежде всего так называемой «питерской школы» изучения XVIII в.), что нельзя не признать позитивной тенденцией. См.: *Дервянко А. П., Шабельникова Н. А.* Указ. соч. С. 189, 191.

⁶⁴ Упоминание об этом есть только в кн.: *История России / Л. И. Семенникова.* С. 216.

⁶⁵ *Дервянко А. П., Шабельникова Н. А.* Указ. соч. С. 186.

⁶⁶ *Зуев М. Н.* Указ. соч. С. 158.

⁶⁷ *Потатуров В. А. и др.* Указ. соч. С. 234.

⁶⁸ *История России / Л. И. Семенникова.* С. 218 и др; *Шишова Н. В.* Указ. соч. С. 284; В другом пособии единственный раз встречен эпитет «Великая» по отношению к Екатерине II и сказано, что лишь она одна после Петра I заслужила в памяти потомков такое прозвание. См.: *Данилов А. А.* Указ. соч. С. 70.

⁶⁹ В связи с началом женского образования в России см.: *История России / А. Н. Сахаров.* С. 387—390, 421.

оцениваются, как правило, неоднозначно и подводятся к идее о том, что «ее преобразования тормозили развитие прогрессивных буржуазных отношений»⁷⁰. «Она предпринимала некоторые шаги, направленные на дальнейшую европеизацию и гуманизацию русской жизни, однако в условиях углублявшейся диктатуры дворянства... они выглядели достаточно двусмысленно»⁷¹, «зачастую была неразборчива в средствах»⁷². Лишь в новейших учебниках стал подчеркиваться личный вклад императрицы в реализацию новшеств — например, банковской системы, общей веротерпимости, в совершенствование общей системы управления и формирование нового внешнеполитического курса России и проч.⁷³ Однако авторы считают нужным особо подчеркнуть, что более 70 лет «женских правлений» на протяжении XVIII в. привели к укреплению самодержавных тенденций через систему все более крепнущих «императорских советов» при правителе. Венцом развития этой системы при Екатерине II явилась апробация системы либеральной риторики при усилении позиций самодержца (что и дало основание одному из авторов назвать Екатерину II «государственным мечтателем» — именно так, в мужском роде⁷⁴).

Типическим подходом в реконструкции исторического прошлого остается упоминание женщин лишь как матерей, жен, дочерей, сестер, любовниц «великих мужчин». Женщины из рода Долгоруких (XVIII в.) — по замыслу авторов учебников — должны остаться в памяти потомков отнюдь не по той причине, которую имел в виду Н. А. Некрасов, восхищенно вписавший в поэму «Русские женщины» «... но мир Долгорукой еще не забыл» (он подразумевал ее нравственный подвиг, предвосхитивший поступок жен декабристов), а по той, что все эти барышни (например, Екатерина Долгорукая⁷⁵) окружали именитых и статусных мужчин из слоя власть предержащих.

При этом, как остроумно заметил Д. Ю. Бородин, «слово “мужчина” встречается реже, чем слово “женщина”», на страницах учебников действуют даже не люди с мужскими свойствами, а все больше «правители, полководцы, государственные деятели, революционеры и рабочие»⁷⁶. Авторы учебников дают традиционную стереотипную характеристику правителей: идеальным правителем выступает некто полновластный, решительный, физически здоровый, держащий в узде сильных и не обижающий слабых. Под такую характеристику подпадает, например, Владимир Мономах. Напротив, готовый разделить полноту власти, нездоровый или слабый физически выступает как плохой правитель, нуждающийся в опеке (как женщина). Про Петра III в одном из учебников сказано: «...в нашей истории известен больше как неудачливый муж Екатерины II»⁷⁷. В оценке важнейшего периода российской истории — второй половины XVIII в. (именно тогда страна не проиграла ни одной войны и резко расширила свои пределы, несмотря на серьезные внутренние социальные потрясения) многие авторы проявляют не только сексизм, но и эйджизм: нехотя соглашаясь сказать доброе слово в адрес начала правления Екатерины, в оценке последних лет ее царствования историки усматривают «беспорядок в делах управления и чиновничий произвол, которые уже не могла контролировать стареющая императрица»⁷⁸.

В новейшем учебнике по истории России А. Н. Сахарова впервые (несмотря на традиционность внимания советской историографии к «рабочему вопросу») упомянуты изменения в российском законодательстве 1741 г., урегулировавшие порядок работ на

⁷⁰ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 283.

⁷¹ Борисов Н. С. Указ. соч. С. 36.

⁷² Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 266.

⁷³ История Отечества / М. В. Зотова. С. 83, 112; Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 275.

⁷⁴ Столяров А. А. Указ. соч. С. 97.

⁷⁵ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 230.

⁷⁶ Бородин Д. Ю. Указ. соч. С. 217.

⁷⁷ Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 2000. С. 173.

⁷⁸ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 181.

промышленных предприятиях России, в том числе узаконившие право женщин на вознаграждение наравне с мужчинами⁷⁹. Вообще, в единственном учебнике сказано о двойной дискриминации в оплате труда на фабриках и предприятиях XIX в. — в учебнике под редакцией М. В. Зотовой⁸⁰. В нем же говорится о 1885 г. как времени принятия первого закона, запрещающего в России женский и подростковый труд в ночное время.

XIX в. в российской истории был отмечен, как известно, Указом 1796 г. императора Павла I, запретившим женщинам наследовать трон. Об этом в учебниках ни слова, как и об именах *дочерей* самого Павла и других русских правителей после него. В одном из учебников встретилось упоминание об императрице Марии Федоровне — супруге Павла I, создавшей ряд благотворительных и воспитательных учреждений (причем материал в учебнике подан так, что студенту невозможно догадаться о ее личной инициативе по созданию этих учреждений, в нем — лишь слабое упоминание о том, что IV Отделение Его Императорского Величества канцелярии, управлявшее благотворительными учреждениями, получило ее имя⁸¹).

То же молчание сохраняют тексты учебников и касательно самых прогрессивных для своего времени и либеральных по духу программных документов (вроде «Русской Правды» П. И. Пестеля или Конституции Н. М. Муравьева). В них нет ни слова об уравнивании прав мужчин и женщин, а в уставах декабристских обществ было прямо записано: «Женский пол на собрания не допускается»). Женских имен в описании бурных событий XIX столетия мало. Однажды упомянута Василиса Кожина (смоленская старостиха, сформировавшая партизанский отряд, успешно воевавший с наполеоновскими войсками)⁸², однажды — З. А. Волконская⁸³.

Андроцентризм первых политических объединений — скажем, первых декабристских организаций — нигде и никем не подчеркнут, как и решение будущих декабристов не принимать женщин в состав своих кружков. Подвиг декабристок в учебном пособии под редакцией Л. В. Милова, целиком посвященном XVIII—XIX вв., упомянут в связи с «давним обычаем, согласно которому женщина разделяла судьбу мужа»⁸⁴. Впрочем, это учебное пособие — едва ли не единственное, в котором упомянуты салоны 1830-х гг., «в которых женщины выступали хранительницами духовных и этических традиций (правда, названо имя одной только А. П. Елагиной. — *Н. П.*), свободомыслия и терпимости к инакомыслию»⁸⁵.

Ничего не сказав о возникновении «женского вопроса» в литературе, публицистике, общественной мысли 1850—1860-х гг., о первых женских объединениях и началах женского движения в России, создатели новых учебных курсов по истории не считают достойным упоминания и возникновение службы полевой медицинской помощи (одновременно в России и в Англии) в годы Крымской войны 1853—1856 гг. — появление тех самых медсестер («сестер милосердия»), без которых трудно представить себе историю хоть одного военного конфликта. Лишь в одном учебнике есть данные о запрете телесных наказаний для женщин (1863 г.), в списке законов великих реформ⁸⁶.

Большинство авторов учебников в лучшем случае упоминают о зарождении системы вначале дворянского⁸⁷, а к концу века и всесословного женского образования, особенно

⁷⁹ Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 553.

⁸⁰ История Отечества / М. В. Зотова. С. 152.

⁸¹ Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 164.

⁸² История России / А. Н. Сахаров. С. 461.

⁸³ Данилов А. А. Указ. соч. С. 171.

⁸⁴ История России... / Л. В. Милов. С. 528.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 274.

⁸⁷ Керов В. В. Указ. соч. С. 331. В этом учебнике (единственном) имеется информация об открытии в 1858 г. в Петербурге первой женской гимназии (Мариинской), хотя на с. 411 учебника датой начала создания женских гимназий указывается 1862 г.

высшего (одновременно с проведением буржуазных реформ середины XIX столетия⁸⁸). Открытие училищ, гимназий, курсов, разрешение посещать лекции в университетах, допущение к некоторым видам деятельности (работа на телеграфе с 1864 г., занятия счетоводством, воспитанием детей и медициной) — тот максимум, который иногда упоминается в изложении общественно значимых событий второй половины XIX в.⁸⁹ При изложении истории культуры как первой, так и второй половины XIX в., казалось бы, трудно обойти вниманием известнейшие имена — балерины А. Истоминой, писательницы А. О. Ишимовой, поэтессы К. Павловой. Применительно ко второй половине XIX в. иногда упоминается Леся Украинка⁹⁰. Единственная из женщин-ученых, кого (по традиции) почти никогда не забывают — математик С. В. Ковалевская (но и она однажды упоминается не как самостоятельная научная единица, а как последовательница школы П. Л. Чебышева; лишь один учебник позволяет гордиться тем, что эта женщина была первой в мире женщиной — членом-корреспондентом Академии наук⁹¹), из актрис — М. Н. Ермолова, Г. Н. Федотова, М. Г. Савина, П. А. Стрепетова⁹², а в XX в. — В. Ф. Комиссаржевская⁹³.

Любопытно, что упоминание историков К. Н. Бестужева-Рюмина или В. И. Герье нечасто заставляет авторов учебников вспомнить о том, что их имена носили первые женские курсы — Бестужевские в Санкт-Петербурге и курсы В. И. Герье в Москве. Тем не менее, позитивные исключения все же имеются⁹⁴. В книге под редакцией М. В. Зотовой сообщается также, что женское образование в России развивалось исключительно за счет платы за образование и частных пожертвований, «за исключением небольшой субсидии от казны Бестужевским курсам в Петербурге»⁹⁵. Оно названо в этом учебнике «важнейшим завоеванием эпохи реформ» и при перечислении контрреформистских мероприятий правительства после убийства Александра II, рассказано о запрете, наложенном на женские курсы в Москве, Киеве, Казани⁹⁶. В учебнике В. В. Керова закрытие женских курсов в 1882—1883 гг. трактуется как проявление реакционных мер в области просвещения⁹⁷.

При изложении социально-экономических реалий рубежа XIX—XX вв. ни один из авторов не сообщает о такой характерной черте развития экономики страны в то время, как женское предпринимательство. Между тем некоторые из купчих, особенно вдовых, были весьма успешны в своем семейном (Большая Ярославская мануфактура Корзинкиных) и индивидуальном (В. А. Морозова, уржд. Хлудова) бизнесе.

Наследием традиций написания истории, сложившихся в советское время, является сравнительно неплохая представленность на страницах учебных пособий имен участниц освободительного движения (С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, В. И. Засулич, однажды упомянута даже «землеволок» О. А. Натансон⁹⁸, Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд, среди представителей русского экономизма — Е. Д. Кускова, среди эсерок — М. А. Спиридонова)⁹⁹. Почему-то не раз упоминается и

⁸⁸ История Отечества / М. В. Зотова. С. 166; *Потатуров В. А. и др.* Указ. соч. С. 342.

⁸⁹ История России... / Л. В. Милов. С. 614—615; *Керов В. В.* Указ. соч. С. 411.

⁹⁰ *Керов В. В.* Указ. соч. С. 417.

⁹¹ Упомянуто без информации о том, что Академия наук была шведской. См.: *Зуев М. Н.* Указ. соч. С. 316.

⁹² История России... / Л. В. Милов. С. 753, 760—761; *Керов В. В.* Указ. соч. С. 420; *Шишова Н. В.* Указ. соч. С. 319; *Моряков В. И. и др.* Указ. соч. С. 247; *Деревянко А. П., Шабельникова Н. А.* Указ. соч. С. 675, 684; *Зуев М. Н.* Указ. соч. С. 294, 319.

⁹³ *Деревянко А. П., Шабельникова Н. А.* Указ. соч. С. 694.

⁹⁴ *Зуев М. Н.* Указ. соч. С. 293.

⁹⁵ История Отечества / М. В. Зотова. С. 167.

⁹⁶ Там же. С. 168.

⁹⁷ *Керов В. В.* Указ. соч. С. 413.

⁹⁸ *Моряков В. И. и др.* Указ. соч. С. 240—241.

Е. К. Брешко-Брешковская¹⁰⁰, но в чем был ее вклад в историю российского эсерства (что это была первая русская женщина, приговоренная к каторге, одна из основательниц партии эсеров) остается загадкой. О том, что по политическому процессу «первомартовцев» было казнено четверо мужчин и одна женщина в одном-двух учебниках говорится, но о том, что «казнь через повешение» С. Л. Перовской была первой в истории России казнью женщины по политическому делу — ни слова. Между тем события эти стали поворотными в женском движении страны, и будущие «равноправки» вдохновлялись лозунгом Олимпии де Гуж, погибшей на гильотине за век до тех событий: «Если женщина достойна взойти на эшафот, она может войти и в парламент!».

Нет сведений о зарождении и развитии женского движения в России, создании Союза равноправия, Первом женском съезде 1908 г. в Петербурге. Есть информация о всех видах протестных движений — национальном, религиозном, рабочем, только не женском! Неудивительно (в этом контексте), что наиболее яркое пересечение «женской истории» и истории социальной, т. е. начало Февральской революции, практически ни в одном из учебников не увязано с общей борьбой Союза равноправия за избирательные права российских женщин. Первый день революции — 23 февраля (по новому стилю — 8 Марта, День международной солидарности трудящихся женщин) — лишь в одном учебном тексте представлен как событие, празднование которого женщинами, начавшими демонстрации и митинги привело к скорейшему разворачиванию революционных событий и падению династии Романовых¹⁰¹.

В новейших учебниках — 2000-х гг. — вместе с историей протестного движения «потерялись» и женщины. В учебнике под редакцией А. Н. Сахарова раздел по истории России конца XIX в. написан А. Н. Бохановым. Он отлично представил историю воцарения Николая II и дал краткую характеристику членам его семьи — женщинам, пожертвовав историей народничества, анархизма, ранней русской социал-демократии. Заодно со страниц учебника исчезли и упомянутые выше женщины, за исключением В. И. Засулич¹⁰², а также возникшей в связи с историей партии эсеров Е. К. Брешко-Брешковской, обозначенной как одной из продолжательниц дела народовольцев (о которых ранее не было сказано ни слова).

Вполне традиционно для изложения истории культуры начала XX в. упоминание некоторых женских имен: из мира литературы — М. И. Цветаевой и А. А. Ахматовой, среди скульпторов — А. С. Голубкиной, среди балерин — А. П. Павловой, актрис — М. Н. Ермоловой, В. Ф. Комиссаржевской, певиц — А. В. Неждановой и Н. В. Плевицкой, киноактрис — А. Г. Коонен и В. В. Холодной¹⁰³. В одном из учебников среди живописных направлений упомянут кубофутуризм (и в связи с ним жена М. С. Ларионова — Н. С. Гончарова)¹⁰⁴, однако другие художницы, в том числе З. Е. Серебрякова, М. В. Якунчикова, Л. С. Попова, А. П. Остроумова-Лебедева, обойдены вниманием.

Излагая историю России советского периода, современные авторы (вероятно, посчитав, что «женский вопрос» в СССР все равно не был решен, поэтому нечего о нем писать) предпочитают вообще не касаться темы уравнивания в правах мужчин и женщин (если ранее об этом говорилось в связи с темой первых советских конституций, то теперь

⁹⁹ Борисов Н. С. Указ. соч. С. 74; История Отечества / М. В. Зотова. С. 216; Керов В. В. Указ. соч. С. 541; Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 370; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 289—290, 332; Зувев М. Н. Указ. соч. С. 286, 310.

¹⁰⁰ История Отечества / М. В. Зотова. С. 219; Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 407; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 335.

¹⁰¹ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 460.

¹⁰² История России / А. Н. Сахаров. С. 547, 569.

¹⁰³ Керов В. В. Указ. соч. С. 525, 527—528; Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 306—307; Шишова Н. В. Указ. соч. С. 343; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 698; Зувев М. Н. Указ. соч. С. 490.

¹⁰⁴ Керов В. В. Указ. соч. С. 526.

ее нет вовсе, хотя различным разделам и статьям Основных законов страны разных лет отдано по 1,5—2 страницы учебников¹⁰⁵). Н. К. Крупская упоминается как глава Главполитпросвета (того самого, что пустил в оборот оксюморонное словосочетание «родное правительство»¹⁰⁶) и член Академии общественных наук, но ведь ее роль в политической жизни страны далеко не ограничивалась этим¹⁰⁷.

Между делом из учебников пропала информация о завоеваниях советской власти (которые в былые времена именовали «великими») — декретах первых месяцев советской власти: о запрещении ночного труда женщин (от 11.11.1917 г.), 2-месячном отпуске по беременности и аналогичном по длительности отпуске после родов (от 27.11.1917), пособиях женщинам, имеющим детей (от 27.11.1917 г.), равной зарплате мужчин и женщин (Декрет о тарифах, декабрь 1917 г.), о гражданской форме заключения брака и равных правах в нем мужчин и женщин (от 31. 12.1917 г.)¹⁰⁸.

Не найти женских имен в связи с историей сопротивления сталинскому единоначалию и формированием партийных фракций, проведением дискуссий (о профсоюзах в 1922 г.). «Рабочая оппозиция», уклоны и дискуссии упомянуты, но женских имен в их составе нет. Таким образом, о той же А. М. Коллонтай теперь не говорится ни в каком контексте.

Ярких представительниц советской истории 1930-х гг. — инициаторов движения «Женщины — на трактор!» и создательницы первой в мировой истории женской тракторной бригады Прасковьи Никитичны Ангиной (которую вся страна звала «Пашей»), передовиц ткацкого дела Е. В. и М. И. Виноградовых — в «постсоветских» учебниках истории, понятное дело, тоже нет¹⁰⁹. Полностью пропали женские имена из списка членов СНК (народный комиссар по делам общественного призрения А. М. Коллонтай), ВРК (секретарем Петроградского ВРК в дни Октябрьского восстания была Ф. И. Дабкина, впоследствии — инспектор РКИ), ЦКК и МК РКП(б) (С. Н. Смилович), ПК РКП(б) и МОПР (между тем его председатель — Е. Д. Стасова похоронена у Кремлевской стены), отделов ЦК РКП(б) по работе среди женщин (К. Н. Самойлова, И. Ф. Арманд, М. И. Ульянова, А. И. Елизарова), членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) (Е. Д. Стасова, К. И. Николаева), зампреда СНК СССР (Р. С. Землячка-Залкинд). А все потому, что о самих этих органах власти и общественных организациях в учебниках теперь не говорится.

История Великой Отечественной войны в редком учебном тексте представлена как трагедия, резко изменившая образ жизни, коллективную ментальность и повседневность советских людей, в том числе женщин. Вся история войны — это сплошные операции и битвы, что же касается партизанской борьбы и тыла, то описание изменений в экономике в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. не обходится без упоминания о том, что места ушедших на фронт заняли «женщины, старики, дети», «женщины, пожилые, инвалиды, подростки»¹¹⁰. Женщины оказались причисленными к социально незащищенным и, пользуясь терминологией социальной работы, «слоям, нуждающимся в

¹⁰⁵ См., напр.: *Деревянко А. П., Шабельникова Н. А.* Указ. соч. С. 374—375.

¹⁰⁶ *Керов В. В.* Указ. соч. 613.

¹⁰⁷ Роль Н. К. Крупской, оказывавшей посильное сопротивление усилению единовластия Сталина, отмечена лишь в учебнике А. П. Деревянко и Н. А. Шабельниковой. См.: *Деревянко А. П., Шабельникова Н. А.* Указ. соч. С. 420, 442.

¹⁰⁸ Подробнее см.: *Женщины мира в борьбе за социальный прогресс.* М., 1972. С. 29—82.

¹⁰⁹ В учебнике В. И. Морякова с соавторами совершенно неожиданно в тексте об индустриальных свершениях послевоенной эпохи упомянуты мало кому известные М. Рожнева и Л. Кононенко (при перечислении имен «поколения новых стахановцев», где в основном, конечно же, мужчины — столь же неизвестные ни по профессии, ни по трудовому вкладу, ни по месту жительства). Оставшись в недоумении, чем же прославились поименованные выше женщины, хочется спросить: в первом поколении «стахановцев» женщин разве не было? Где же имена Е. и М. Виноградовых, П. Ангиной, которые известны любому представителю старшего и среднего поколений. См.: *Моряков В. И. и др.* Указ. соч. С. 425.

помощи», но вынужденным в условиях военного времени выполнять мужскую работу. Тем самым через очевидные коннотации гендерный стереотип не размывается, а лишь утверждается. Авторы странным образом не замечают факта привлеченности женской рабочей силы к труду на предприятиях в предвоенное время; ничего не говорится и о том, что гендерных различий в трудовых нормативах заключенных в женских и мужских лагерях, где бы то ни было — на Севере или в Сибири, — не было. Зато в демографических характеристиках и очерке социально-экономической истории СССР в 1940-е гг. встречаются упоминания о том, что «в 1942 г. более половины всех занятых в народном хозяйстве составляли женщины»¹¹¹.

Единственным исключением из общего правила остается учебник А. К. Соколова и В. Н. Тяжельниковой, который дает конкретные сведения об изменениях в составе рабочей силы в период войны. В нем более, чем в других, представлена тема повседневности и прямо сказано, что на селе женщины в ходе перестройки экономики на военный лад стали играть ключевую роль, все чаще занимая руководящие должности и общественные посты¹¹². В учебнике В. А. Потатурова и его авторского коллектива подчеркнута, что «без вовлечения женщин в промышленность и на транспорт, в том числе на участки с тяжелыми условиями труда, нельзя бы организовать широкое производство боевой техники»¹¹³.

И это действительно так. Положительным примером стоит признать упоминание вклада женщин — певиц и актрис, так называемой «творческой элиты», в укрепление народного патриотизма в годы войны, ведь они выезжали на фронтовые концерты, становились членами театрально-концертных бригад. Упоминание о них (К. И. Шульженко, Л. А. Русланова) есть только в одном учебнике¹¹⁴. Но как и почему из учебников пропало имя Зои Космодемьянской, не говоря уже о других героинях войны, той же Лизы Чайкиной или Любви Шевцовой, отдавших жизни за свободу страны, остающихся символом негибкости и патриотизма, — можно только гадать¹¹⁵. По неясным причинам из списка поэтов военного поколения, без которых трудно представить себе историю Ленинграда, выпала О. Ф. Берггольц, только один раз встретилось имя М. Алигер¹¹⁶.

Советская история обеднена сокращением числа выдающихся женщин, достойных исторической памяти. Большим успехом можно признать включение в учебнике В. А. Потатурова в ткань повествования о послевоенных годах информации о том, что послевоенное общество с полным правом можно назвать обществом «с женским лицом». Здесь также говорится, что женщин после войны было на 21,8 млн больше, чем мужчин, но «женское общество оказалось удивительно жизнеспособным»¹¹⁷. Есть упоминания о том, что рост численности деятелей российской науки и образования с послевоенного времени

¹¹⁰ Киселев А. Ф., Щагин Э. М. Новая история Отечества: XX век. В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 178; История России / Ю. И. Казанцев, В. Г. Деев. Новосибирск, 2002. С. 427; Амон Г. А., Ионичев Н. П. Указ. соч. С. 630, 638; Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 599; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 495.

¹¹¹ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 520.

¹¹² Соколов А. К., Тяжельникова В. С. Курс советской истории, 1941—1991. М., 1999. С. 58—59.

¹¹³ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 600.

¹¹⁴ Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 417.

¹¹⁵ Имя З. А. Космодемьянской находим только в одном учебнике (Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 497), причем подчеркнута, что она была дочерью репрессированного (этот факт в советских учебниках истории не указывался).

¹¹⁶ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 526.

¹¹⁷ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 640; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 517.

стал определяться «возросшим приемом женщин» в вузы¹¹⁸, но на страницах учебников не набрать и 2—3 фамилий женщин-ученых ни из одной области знания.

Однако подобные пассажи о значимости женского вклада, похоже, не более чем случайность. В связи с советской историей 1945—2000 гг. женских имен даже в упомянутом учебнике все также практически не встретить, как и в иных учебных текстах. В связи с послевоенными «кампаниями», как правило, упоминается А. А. Ахматова¹¹⁹. Среди деятельниц культуры хорошим тоном остается (со времен советских учебников) упоминание скульптора В. И. Мухиной (автора «Рабочего и колхозницы»), актрис А. В. Неждановой, А. А. Яблочкиной, А. К. Тарасовой, художницы Т. Н. Яблонской, ученого-историка А. М. Панкратовой (изучавшей советский рабочий класс — этой информации в учебниках нет), композитора А. Н. Пахмутовой или поэтессы Б. А. Ахмадулиной, а среди представительниц «русской культуры за рубежом» З. Н. Гиппиус¹²⁰.

И всё! Студентам, видимо, уже никогда не получить ответов на вопросы: были ли на протяжении советской истории женщины — члены Политбюро? женщины-министры?¹²¹ какие сферы им поручались? много ли было женщин-академиков?

Нет информации и о неофициальных политических деятельницах — создательницах диссидентских кружков и групп. Лишь в одном из пособий сравнительно подробно изложена сама история диссидентского движения в СССР и упомянуто несколько участниц этого движения (Н. Горбаневская, Л. Алексеева, Е. Боннер), а среди писательниц, без произведений которых «лагерная тема» была бы неполной, называют Е. Гинзбург и Е. Л. Олицкую¹²². Поскольку тема диссидентства из запрещенных перекочевала в разрешенные, теперь в пособиях можно найти имена Л. Богораз и Н. Горбаневской (их упоминают без второго инициала, поскольку так было принято треть века назад в западной печати)¹²³.

Чаще всего выбор имен женщин из мира искусства и литературы обусловлен личными пристрастиями автора, а не какими-то иными соображениями. Вот почему в одном из учебников возникли имена киноактрис Н. М. Ужвий и М. А. Ладыниной¹²⁴, в другом как деятельница культуры, высланная из СССР, упомянута Г. П. Вишневская¹²⁵, в третьем — кинорежиссер К. Г. Муратова¹²⁶. Таким же случайным можно считать упоминание политика Г. В. Старовойтовой¹²⁷ и академика-экономиста Т. И. Заславской¹²⁸.

Оценивая частоту упоминаний женских имен на страницах современной российской учебной литературы по истории, можно назвать несколько пособий, которые могут посоревноваться в «неупоминаемости» женщин: это «История России с древнейших времен до наших дней», написанная А. А. Даниловым¹²⁹, в которой (за

¹¹⁸ Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 711.

¹¹⁹ Керов В. В. Указ. соч. С. 680; Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 684; Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 429, Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 690; Зуев М. Н. Указ. соч. С. 553.

¹²⁰ Керов В. В. Указ. соч. С. 624, 658, 739, 741; Моряков В. И. и др. Указ. соч. С. 303, 389, 437; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 690, 716, 726; Зуев М. Н. Указ. соч. С. 491.

¹²¹ В учебниках В. В. Керова и А. П. Деревянко упомянута Е. А. Фурцева (Керов В. В. Указ. соч. С. 709; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 548).

¹²² Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 588—589. В учебнике — опечатка, приведен лишь один неверный инициал — «В. Олицкая», однако автором книги «Мои воспоминания» является Екатерина Львовна Олицкая (1899—1974).

¹²³ Зуев М. Н. Указ. соч. С. 591.

¹²⁴ Там же. С. 527.

¹²⁵ Керов В. В. Указ. соч. С. 733.

¹²⁶ Там же. С. 739.

¹²⁷ История России / А. Н. Сахаров. С. 730 (раздел написан В. А. Шестаковым); Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 696; Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. Указ. соч. С. 629.

¹²⁸ Потатуров В. А. и др. Указ. соч. С. 700.

¹²⁹ Данилов А. А. Указ. соч.

исключением имен правительниц России XVIII в. есть лишь 4 женских имени на все 10 веков отечественной истории, правда, таких, которых не встретишь в других учебных книгах. Почему-то все они из XVIII — начала XIX в.: это первая жена Петра I Евдокия Лопухина, дочь А. Д. Меншикова Мария, на которой ее отец хотел женить Петра II, жестокая «Салтычиха», хозяйка знаменитого салона XIX в. З. А. Волконская)¹³⁰.

В учебниках по всеобщей истории наиболее упоминаемые из женских имен XX в. — И. Ганди, Б. Бхутто, М. Тэтчер. Причина такого положения в том, что история человечества по-прежнему излагается как политическая история, а политическая сфера была сферой «мужского» вплоть до новейшего времени. Приватная сфера, место женщин в которой всегда было значимо, по сути, изгнана из российских учебников традицией историописания (кроме учебника А. К. Соколова и В. С. Тяжельниковой¹³¹).

В историко-демографических разделах учебников речь идет о каких угодно характеристиках состава населения (сословия, национальности, конфессии, в отношении XX в. есть информация о старении населения), только не о гендерных. В учебниках, содержащих информацию по истории культуры, картина несколько иная: сама тематика *cultural studies* возникла в последние 15—20 лет, поэтому без «культуры повседневности» в таких текстах не обойтись¹³². Однако в учебниках смешанного типа («История и культурология») таких вопросов, как численность женского населения (больше было женщин, чем мужчин, или меньше, почему и когда), детность семей в различные эпохи, репродуктивные права женщин и уж тем более история контрацепции, авторы либо не касаются, либо лишь слегка упоминают¹³³. Тем более в подобных пособиях не встретишь информации о том, какое влияние православие оказало на гендерный контракт, тип семейно-брачных отношений, социальный статус женщины в обществе, канон ее художественных изображений.

Второе весьма точное наблюдение касается умолчаний — нераспространения на женщин действия тех или иных законопроектов, установлений, идей политических преобразований (исключение составляет, как ни парадоксально, учебник В. В. Жириновского — в нем четко разграничено мужское и женское население¹³⁴). Так, авторы учебных пособий предпочитали говорить, что, например, согласно «Табели о рангах» 1722 г., дворянином мог стать *каждый*, достигший чина 8-го класса (между тем на женщин это не распространялось), «в 1719 г. *любому* жителю страны было разрешено искать полезные ископаемые...» (к сфере женского труда это не относилось) и т. п.¹³⁵ «В силу различных обстоятельств... человек мог добиться перехода из низшего сословия в высшее...» — отмечается в одном из учебных пособий¹³⁶. И неясно в этом случае человек ли женщина, а если все же человек, то могла ли она иметь те же возможности изменения социального статуса, что и мужчина (для женщин своеобразным «социальным лифтом» могло быть замужество, для мужчины же — нет).

Возможности различных социальных слоев и групп («Зажиточные крестьяне приобретали землю...», «все, достигшие 21 года, подлежали призыву в армию...», «узаконено приобретение титула дворянства через пожалование государя, награждение орденом, получение ученой степени...», «В Германии индивид получал возможность

¹³⁰ Данилов А. А. Указ. соч. С. 65—66, 78. Справедливости ради, отметим, что имена Лопухиной и Долгорукой есть и в других учебниках, см., напр.: Зуев М. Н. Указ. соч. С. 205, 221.

¹³¹ Соколов А. К., Тяжельникова В. С. Указ. соч.

¹³² Шишова Н. В. Указ. соч. С. 121. Об опеке над вдовами в обществах доиндустриального типа (с. 137); о культе Прекрасной Дамы (с. 296).

¹³³ О меньшей продолжительности жизни женщин в средние века (см.: Шишова Н. В. Указ. соч. С. 119).

¹³⁴ См., напр.: Жириновский В. В., Спицин Е. С. Указ. соч. С. 87.

¹³⁵ История России IX—XX вв. / Н. П. Ионичев. М., 2002. С. 88, 85.

¹³⁶ История России / А. Н. Сахаров. С. 528.

относительно свободного продвижения по социальной лестнице...» и т. п.) ни в одном случае не определяются гендерными характеристиками — наличием/отсутствием прав у мужчин и у женщин¹³⁷. Напротив, рассказ о Крещении Руси (в соответствии с новыми идеологическими веяниями в России III тысячелетия) представляет христианство религией, которая несла женщинам лишь защиту и поддержку («христианство цементировало семью, вводило новую мораль, требовало гуманного отношения к женщине...»), «церковь... выступала за уважение к личности женщины...»¹³⁸).

История повседневности и быта крайне редко попадает на страницы современных учебников. Чуть больше «везет» допетровскому периоду и XVIII столетию¹³⁹, и то в учебниках самого новейшего времени. При этом «женская тема» даже в этих описаниях чудесным образом выпадает (исключением являются лишь те моменты, когда речь идет о выдающихся историках прошлого, касавшихся истории женщин, например, И. Е. Забелине или А. П. Щапове¹⁴⁰). Иногда встречаются упоминания о женской моде — да и то лишь в контексте странностей и экзотики, с трудом принимаемых с точки зрения современных представлений о красоте и моде («современники рассказывают, что русские женщины XIV—XV вв. без меры белили лица и красили свеклой щеки, чернили глаза, выщипывали брови и на их место приклеивали другие...»). Мужчина, автор данного учебного пособия, неожиданно приписал веяния женской моды XVII в. эпохе складывания единого государства¹⁴¹.

«Женская тема» всплывает в учебниках о российском и зарубежном прошлом обычно в связи с историей образования, труда, отчасти — с политической историей. Но если в учебниках по российской истории можно найти данные о первых учебных заведениях для дворянок XVIII в., начавшемся доступе к высшему образованию в XIX в., завоеваниях советской власти в этой области в 1920—1970-е гг.¹⁴², то те же темы в отношении женщин Европы, США, Канады, стран Востока в учебной литературе не отражены вовсе.

Что касается темы труда, то никаких размышлений авторов о неоплаченном женском труде на дому в анализируемой литературе не найти. Не описывается содержание женского труда и в крестьянских общинах. Более того, никакой информации о том, с какого времени на предприятиях России, той или иной западной или восточной страны начал использоваться женский труд, не найти, но неожиданно вопрос о его регулировании оказывается вдруг упомянут в связи с изложением характеристик обновленного законодательства XIX в. (именно в нем впервые были поставлены подобные вопросы¹⁴³). Активное вовлечение женщин в производственную деятельность в годы советской власти не интерпретируется с точки зрения объектного отношения к женщинам как рабочей силе, способной не только выполнять производственные планы наравне с мужчинами, но и рожать потомство. Бесчеловечные законы середины 1930-х гг., запретившие аборт, не упоминаются, а сама ситуация (поражения женщин в их репродуктивных правах) не комментируется, зато, случается, цитируются слова фашистского приспешника М. Бормана, выступавшего за развитие контрацепции и практику абортов¹⁴⁴.

¹³⁷ История России / Ю. И. Казанцев, В. Г. Деев. С. 188; *Амон Г. А.* Указ. соч. С. 246—247; *Родригес А. М., Пономарев М. В.* Новейшая история стран Европы и Америки: XX в. М., 2003. Т. 1. С. 268.

¹³⁸ История России / А. Н. Сахаров. С. 34, 37.

¹³⁹ Там же. С. 34, 37, 339.

¹⁴⁰ *Историография истории России до 1917 г.* / М. Ю. Лачаева. М., 2003. Т. 1. С. 355—356; Т. 2. С. 41.

¹⁴¹ История России / А. Н. Сахаров. С. 174.

¹⁴² *Казанцев Ю. И.* Указ. соч. С. 182, 241; *Уткин А. И.* Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000. С. 120; *Амон Г. А., Ионичев Н. П.* Указ. соч. С. 294—295.

¹⁴³ *Казанцев Ю. И.* Указ. соч.; *Амон Г. А., Ионичев Н. П.* Указ. соч. С. 148; *Мунчаев Ш. М., Устинов В. М.* История России. М., 2004. С. 208.

¹⁴⁴ История Отечества / М. В. Зотова. М., 2000. С. 329.

Ни в одном учебнике, включая учебник А. К. Соколова и В. Н. Тяжельниковой, не нашлось места для характеристики положения женщин России на рынке труда в период перестройки. Хотя изменения были разительные, а безработица в конце 1980-х — 1990-е гг. имела женское лицо. Остается только удивляться, что при изложении советской и постсоветской истории 1945—2005 гг. в современных учебниках, как правило, не упоминается ни одного женского имени, за исключением печально известной Н. А. Андреевой и ее героостратовой славы¹⁴⁵.

Что касается описания участия женщин в политической жизни, то учебники истории куда более консервативны, чем учебники по политологии. Абсолютное большинство учебных пособий игнорирует наличие в России, США, странах Западной Европы женского движения, а тем более феминизма, хотя он сформировал мощную политическую силу и существует с середины XIX в. Лишь в одном учебнике по истории феминизм упомянут — с выразительным и показательным эпитетом *оголтелый*¹⁴⁶. При этом крестьянское, рабочее, либеральное, отчасти — национальные движения рассмотрены довольно подробно¹⁴⁷. Удручающе мало сведений о борьбе женщин за свои избирательные права — в одном из учебников почему-то обойдены успехи женщин Англии и США на этом поприще (но упомянуты весьма непоказательные в этом отношении Нидерланды и Италия)¹⁴⁸. Ни в одном учебнике нет данных о том, что в России женщины добились получения избирательных прав в ходе разворачивания Февральской революции, задолго до социалистических преобразований конституционной системы, и явилось это результатом развития почти полувекового женского либерального движения в стране. Зато, когда речь идет об эпохах достаточно отдаленных, скажем, об античности, тогда в текстах учебников непременно подчеркивается тот факт, что демократии того времени были ущербными, поскольку права голоса были лишены рабы, несвободные, иноземцы и женщины¹⁴⁹.

Наследием советской традиции историописания является упоминание в ряде учебников инициативы торжественного празднования Международного женского дня, а также того факта, что Февральская революция в России началась именно с *женской* демонстрации, связанной как раз с *этой* датой (23 февраля по старому стилю — это 8 марта по новому)¹⁵⁰. Однако даже этот общеизвестный факт в большинстве учебников назван попросту «выступлениями рабочих»¹⁵¹.

Что касается взаимоотношений государства и людей разных полов, то тема связи власти с «социально-сконструированными значениями пола» (Джоан Скотт), тема помощи женщинам (а через нее — тема контроля) освещены лишь в двух учебниках по всеобщей истории и то лишь в связи с изложением ситуации в межвоенной Германии (идея «новой немецкой женщины», идеологические механизмы, основанные на культе материнства и мужской доблести в период нацизма) и в контексте рассказа о попытках создания «государств всеобщего благосостояния» (английские законы об абортах, разводах, пенсиях для женщин и мужчин)¹⁵².

В заключение стоит добавить, что ни в одном учебном пособии по истории нет объяснения термина *гендер* и не упомянуты гендерные исследования. Это и объясняет тот факт, что не только гендерный подход как сумма методических приемов работы с

¹⁴⁵ Там же. С. 391; Керов В. В. Указ. соч. С. 745.

¹⁴⁶ Шаповалов В. Ф. Указ. соч. С. 301.

¹⁴⁷ Киселев А. Ф., Щагин Э. М. Указ. соч. С. 78—85; Пономарев М. В., Смирнова С. Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки: В 3 т. М., 2000. Т. 3. С. 26, 51, 70, 235.

¹⁴⁸ Родригес А. М., Пономарев М. В. Указ. соч. Т. 1. С. 179.

¹⁴⁹ Амон Г. А., Ионичев Н. П. Указ. соч. С. 10.

¹⁵⁰ Там же. С. 184; Киселев А. Ф., Щагин Э. М. Указ. соч. С. 434.

¹⁵¹ См., напр.: История России / Ю. И. Казанцев, В. Г. Деев. С. 318; Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. Указ. соч. С. 236.

¹⁵² Пономарев М. В., Смирнова С. Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 235; Родригес А. М., Пономарев М. В. Указ. соч. Т. 2. С. 99, 130.

источниками, но и рождение, и развитие в мировой гуманитаристике такого направления, как «женская история», остались незамеченными в российских науках о прошлом. Гендерные исследования занимают маргинальное положение в российской академической среде и, как следствие, не оказывают влияния на формирование учебных программ университетов и на изложение истории в учебных пособиях.